

УДК 159.922

## КОНТЕКСТУАЛЬНО-УРОВНЕВЫЙ ПОДХОД К ПЕРЕЖИВАНИЮ

*Н.Р. Салихова*

### Аннотация

Предлагается контекстуально-уровневый подход к явлению переживания, в основе которого лежит представление о функции переживания как механизма осуществления обратной связи в разных по масштабу открытых регуляторных контурах активности человека. Это позволяет систематизировать различные понимания термина «переживание» в современной психологии.

**Ключевые слова:** переживание, контекстуально-уровневый подход, жизненная цель, обратная связь, регуляция жизнедеятельности.

---

Представление о переживании как простейшей единице, отражающей единство личности и среды, сформулировано Л.С. Выготским. Он писал, что переживание «есть что-то, находящееся между личностью и средой, означающее отношение личности к среде, показывающее, чем данный момент среды является для личности» [1, с. 384]. Развивая эту идею, Л.И. Божович отмечает, что переживание отражает состояние удовлетворенности субъекта в его взаимоотношениях с окружающей общественной средой и «выполняет в жизни субъекта крайне важную функцию: осведомляет его о том, в каком отношении со средой он находится, и в соответствии с этим ориентирует его поведение, побуждая субъекта действовать в направлении, уменьшающем или полностью ликвидирующем возникший разлад» [2, с. 141]. Аналогично, как способ данности человеку его бытия, трактовал переживание С.Л. Рубинштейн: «Переживание это первично... кусок собственной жизни индивида в плоти и крови его» [3, с. 14]. Он писал также, что «переживание определяется контекстом жизни индивида», «личностным контекстом», который выступает «как связь целей и мотивов» [3, с. 14].

В современной психологии фундаментальная работа по психологическому анализу переживания проведена Ф.Е. Василюком, который использует два разных понятия переживания. Это, во-первых, представление о *переживании как деятельности* по преодолению критической ситуации; деятельность эта осуществляется посредством работы порождения смысла [4]. Во-вторых, представление о *непосредственном переживании* как определенном уровне функционирования сознания (наряду с уровнями бессознательного, осознания и рефлексии), включенном в модель многоуровневого строения переживания как деятельности [5]. Уровень *непосредственного переживания* присутствует во всех психических

процессах, но наиболее ярко обнаруживает себя в грезах, эмоциональных состояниях и чувствованиях. В переживании как деятельности по преодолению критической ситуации непосредственное переживание выступает в виде ее эмоционального проживания, проявляющегося в «ноющих воспоминаниях», ассоциативном кружении мысли вокруг болезненных тем.

Анализ совокупности контекстов употребления термина «переживание» в современной психологии позволяет утверждать, что переживание не только осведомляет человека о том, в каком отношении с миром он находится, оно также представляет в сознании и всю психическую жизнь человека. Так, говорят о *побуждающих* переживаниях, «посредством которых на уровне психического отражения получает выражение мотивация» [6, с. 242], к ним относят желания, влечения, стремления; пишут о *мнемических* переживаниях, выполняющих важную ориентирующую роль в процессе вспоминания [7]. В вюрцбургской школе психологии описаны составляющие универсальный фон любого предметного знания *беспредметные переживания*, через которые предмет впервые появляется для субъекта в еще неясном, не дифференцированном внешне, но внутренне уже определенном виде (см. [8]). Смысл жизни также раскрывается как «переживание интенциональной направленности собственной жизни» [9, с. 249]. В форме неясного и мало осознаваемого переживания-самоощущения проявляют себя эго-идентичность и самость, представляющие наиболее фундаментальные пласты личности.

Как видим, термин «переживание» в психологии часто употребляется в отношении совершенно разнородных и не всегда соизмеримых явлений – от мнемических переживаний до деятельности по смыслостроительству, что в какой-то степени размывает то понятие, которое за ним стоит. В связи с этим систематизация явлений переживания назрела как теоретически актуальная проблема.

В предлагаемом подходе к ее решению мы исходили, во-первых, из свойства предметности переживания: даже если человек еще не осознал, *что* он переживает, он всегда переживает *что-то*. Во-вторых, учитывалась функция переживания (наиболее точно она сформулирована в приведенной выше цитате Л.И. Божович). Отметим, что данность бытия сознанию, так же как и единство человека и среды, присутствует как в самом частном психическом акте, так и в масштабе, охватывающем всю жизнь человека. Поэтому для систематизации представлений о переживании использован **контекстуально-уровневый подход** к психологическому анализу строения жизнедеятельности человека как субъекта жизни, разработанный с целью дифференциации разных по масштабу единиц организации и регуляции активности человека.

Данный подход опирается на представления о жизни человека как об открытой динамично развивающейся системе, содержащей в себе множество качественно разнородных подсистем и характеризующейся высокой степенью сложности. Он создан как обобщение ряда уровневых моделей смысловой сферы личности [9–11] и стилей активности [12, 13], которые в совокупности дают основание для выделения *масштаба* контура активности в качестве самостоятельного, а с точки зрения смыслового подхода и существенного критерия, определяющего качественно разные уровни осуществления жизнедеятельности. Каждый из уровней задает соответствующую ему по масштабу *функционально-структурную*

*единицу ценностно-смысловой организации жизненного пространства личности*, а совокупность всех уровней позволяет представить жизненный мир человека в его *пространственной* развертке как многоуровневую систему [14].

В качестве центрального уровня контекстуально-уровневой модели жизнедеятельности выступает жизнь человека как целостность в единстве ее деятельностной и бытийной сторон, определяющая *жизненное пространство личности*, организованное в соответствии со смыслом жизни. Выше находится метасистемный уровень, образованный теми со-бытийными общностями, в соотношении с которыми человек определяет смысл своей жизни. Это самая масштабная единица в организации жизнедеятельности человека, которая задается соотношением его жизни в целом с *пространством жизни со-бытийной общности*, в которую человек включен. Ниже центрального уровня располагается уровень сфер жизни как ее подсистем, смысл и место которых определяется в соотношении с жизнью в целом. Он состоит из пространств жизни человека в сферах семьи, профессии, дружбы и прочих. Следующий уровень составляют деятельность и общение, определяющие актуально разворачивающиеся пространства активности субъекта в соответствии с побуждающими его мотивами. Последний уровень образован действием, направленным на цель, которая определяет его смысловое пространство.

Система уровней открыта как вверх, так и вниз. Вверх уровни могут мультиплицироваться в соответствии с увеличением масштаба и возвышением по смысловой вертикали уровня метасистемы: от эгоцентрического уровня и ближайшего человеку окружения до Универсума. Вниз уровни дифференцируются в зависимости от содержания, образующего и наполняющего нижний уровень – смысловое пространство действия. Формирование гетерогенных композиций последнего может происходить как на уровне координации достаточно крупных, состоящих из ряда промежуточных действий структур, так и на уровне самых детальных составляющих действия, заданных и совокупностью входящих в его состав операций, и отдельной операцией, и даже реализующими ее движениями в случае, если последние стали предметом осознанного и целенаправленного выполнения.

Межуровневые отношения в данной модели можно представить по аналогии с тем, как они были даны в модели Н.А. Бернштейна [15], в которой верхние уровни задают цели (мотивы) для работы нижележащих. Система всех уровней образует целостную *многоуровневую организацию жизнедеятельности человека*.

В соответствии с предложенной контекстуально-уровневой моделью жизнедеятельности можно дифференцировать все перечисленные выше различные ипостаси непосредственного переживания, функционирующие в ценностно-смысловых пространствах определенного масштаба и представляющие в сознании разворачивающиеся в каждом из них процессы смысловой динамики. В этом случае различные противоречащие друг другу определения переживания – и как самого элементарного, и как самого сложного процесса (см. [16]) – выступают как оправданные и взаимодополняющие, поскольку они описывают проявления в сознании разных по содержанию и уровню смысловых процессов. Предметное наполнение переживания может быть связано со смысловым контекстом любого уровня, кроме того, оно также может возникать в сопряжении между

собой разных как по содержанию, так и по уровню смысловых контекстов. В качестве того общего, что является сквозным для переживаний разных уровней, выступает их непосредственная данность человеку, через которую он открывает для себя реальность существования и той действительности, в которой он себя обнаруживает, и собственных психических процессов и явлений (мыслей, чувств, убеждений, смыслов и др.), а также своего собственного Я.

Мнемические переживания, феноменально знакомые многим как ощущение того, что «слово вертится на кончике языка», сопровождают воспроизведение материала из памяти. Установлено, что они играют важную роль в самом процессе припоминания, направляя сознательные усилия в то или иное русло, служат основой для сознательной регуляции при обращении к памяти, указывая на необходимость дополнительной верификации актуализируемого содержания или, наоборот, на ее ненужность [7]. Такие переживания существуют в рамках решения отдельной задачи и относятся к уровню смыслового пространства действия. Богатый материал об аналогичных с точки зрения занимаемого уровня и выполняемой функции эмоциональных переживаниях получен в смысловой теории мышления [17]. В ней открыт феномен эмоционального решения задачи, возникающего перед тем, как человек осознает найденное им решение, и представленного также в форме непосредственного переживания.

Можно выделить уровень переживаний, функционирующих в контексте текущей деятельности и связывающих ее отдельные звенья. Так, возникающая при принятии намерения система напряжения, открытая и описанная в школе К. Левина [18], не только проявляется в объективно фиксируемых формах поведения, связанных со стремлением человека к реализации намерения, но также часто бывает дана ему в ткани переживания. Именно это обстоятельство и дает возможность обнаружить некоторые из таких «застывших» систем напряжения и, выведя эти системы в план осознания и/или поведения, разрядить их, в частности посредством психотехник гештальт-терапии.

Существует еще менее уловимая для осознания работа переживания на уровнях сфер жизни и жизни в целом, а также на уровне того, что человек считает своим предназначением, то есть на уровне метасистемы. Данная работа осознается редко, так как жизненные задачи, решаемые на этих уровнях, возникают не каждый день и связаны с осознанием процессов, протекающих в крупных пространственно-временных масштабах. Работа переживания на этих уровнях в повседневной жизни создает некоторую основу обобщенных жизненных чувств [19], на фоне которой осуществляются другие, менее масштабные процессы. Эти явления исследуются в направлениях психологии, изучающих феномены удовлетворенности жизнью [20, 21], субъективного благополучия [22], настроения [23], перманентных психических состояний [24], фиксируемых интроспективно лишь при целенаправленном осознании или рефлексии. Как свидетельствуют многие исследователи, смысл жизни также чаще всего дан человеку в форме ощущения, переживания его наличия, нежели в форме ясно осознанной вербальной формулировки [9, 25]. Как пишет Б.Г. Херсонский [25], смысл жизни является такой же данностью, как и сама жизнь, и жить – это значит в той или иной мере переживать осмысленность как таковую, без доказательств и обсуждения.

Исследователи обозначают все упомянутые качественно разные явления одним термином – переживание – не случайно, поскольку во всех этих случаях подчеркивается некоторая не подделываемая специальными произвольными усилиями данность сознанию того, что происходит в любом из ценностно-смысловых контекстов жизнедеятельности, будь то попытка вспомнить слово, которое вертится на языке, или сложнейшая работа по осознанию и связыванию собственных жизненных смыслов в поисках новой ценностно-смысловой перспективы в кризисной ситуации. В мало осознаваемых формах переживания, метко обозначенных И.М. Сеченовым [26] как «темное мышечное чувство», человеку представлены его самые сущностные и глубинные структуры (обозначаемые как самость или эго-идентичность), которые именно в силу этого трудно поддаются эмпирическому исследованию. Только отдельные проявления этих фундаментальных образований удается иногда вывести на свет сознания, найдя им точное обозначение, а чаще метафору, и в этом случае они могут стать предметом целенаправленной работы человека по их изменению.

Переживание как феноменально данный в сознании сплав личностного смысла и преобразованной им чувственной ткани образа, существуя в смысловых контекстах разного масштаба, непрерывно выполняет функцию механизма слияния разнокачественных и разномасштабных психических явлений и процессов: от самочувствия как отражения состояния организма до эго-идентичности как ощущения тождества с самим собой, без чего невозможны единство и целостность психической жизни человека [6]. Как пишет С.Л. Рубинштейн, «сознание конкретной живой личности... всегда погружено в динамическое, не вполне осознанное переживание, которое образует более или менее смутно освещенный, изменчивый, неопределенный в своих контурах фон, из которого сознание выступает, никогда, однако, не отрываясь от него» [3, с. 18]. Тем самым переживание обеспечивает и связность разных уровней жизненного пространства, их взаимопроникновение и интеграцию. Осознание и тем более рефлексия это единство могут разрывать и более сложным и опосредованным образом соединять, но при этом они опираются на данную в переживании чувственную целостность.

Будучи связанным с наиболее сущностными пластами личности человека, переживание представляет собой форму, в которой человеку поступают разнообразные сигналы о глубинной, мало осознаваемой внутренней работе, интегрирующей опыт его жизни. В регуляторных процессах переживание тем самым выполняет функцию осуществления обратной связи, как отрицательной, сигнализирующей об отклонениях в достижении целевых состояний, так и положительной, направляющей процессы самоорганизации человека как открытой психологической системы [27] на каждом из уровней жизнедеятельности. Близкие мысли высказаны А.С. Шаровым [28], считающим, что в переживании осуществляется соотнесение самости человека, определяемой ценностно-смысловыми образованиями, и мифа жизнедеятельности, понимаемого как их проективная развертка в реальной жизни. Ученый обозначает также и контексты переживания, а именно: «организм, жизнедеятельность, миф жизни, отдельная сторона жизни или просто возможная ситуация» [28, с. 123].

Сигналы переживания становятся более сильными, когда на том или ином уровне жизнедеятельности возникает задача, требующая сознательной работы, и являются малозаметными, уходя в фон, при ожидаемом течении жизни. Причиной их усиления являются как горизонтальные, возникающие в рамках одного уровня, так и вертикальные, межуровневые рассогласования и противоречия. Понимание смысла этих сигналов требует особой работы самопонимания субъекта, действующей уже через другие, более осознанные режимы функционирования сознания. Причиной осознания также может стать специально и свободно направленное на тот или иной смысловой контекст внимание.

Таким образом, контекстуально-уровневая модель жизнедеятельности позволяет упорядочить различные содержания переживания в соответствии с тем, на каком из ее уровней локализуется предмет переживания, тем самым создавая разметку разных масштабов того единства среды и личности, или смысловых контекстов бытия, которые даны человеку в переживании.

В психологии функционирование переживания в гораздо большей степени исследовано на уровне действия и деятельности, нежели в более масштабных смысловых контекстах – на уровне жизни в целом и ее сфер. Представляется, что здесь оно имеет специфику, связанную как с особенностями формы репрезентации человеку его жизненных целей и ориентиров, так и с чередованием режимов работы сознания.

Как известно, становление личности в качестве субъекта своей жизни связано с формированием жизненных планов, представленных дальними намерениями разной степени детализированности и четкости (от приблизительных и смутных образов до четких и конкретных) и охватывающих основные сферы жизни. В отличие от целей действия данные образования допускают различные варианты конкретизации, не случайно в этом контексте авторы часто используют понятие жизненного замысла, не обозначая его термином «цель». При реализации замысла возникают его многочисленные трансформации, которые производятся в соответствии с появляющимися в конкретных условиях жизни не всегда предсказуемыми, динамично изменяющимися переплетениями отношений, деятельностей, обстоятельств, что позволяет учитывать как изменения, происходящие в человеке в ходе жизнедеятельности, так и условия постоянно и быстро изменяющегося мира.

В целом специфика презентации жизненных целей человека в отличие от презентации целей действия связана с тем, что они представлены в сознании не столько в чувственно-образной форме, сколько через свое ядерное ценностное содержание. Это выражается, во-первых, в таких их особенностях, как *обобщенность* и *целостность*, следствием чего является инвариантность по отношению к определенному модальному воплощению и конкретным признакам достижения; во-вторых, в присущей им *вариативности*, когда вместо одного образа может существовать целый ряд разнообразных вариантов возможной реализации общего замысла. Однако даже в тех случаях, когда жизненные цели сформулированы очень конкретно, на глубинных уровнях личности они всегда означают гораздо более того, что в них прямо обозначено: «в сложных формах активности человек действует не ради достижения самого по себе предмета потребности (или мотива, по А.Н. Леонтьеву), он действует ради целостного образа новой

жизни, в которую будет включен этот предмет» [29, с. 10]. Иными словами, любая жизненная цель является лишь какой-то частью, возможно, самой существенной, но лишь частью этого целостного образа будущего. Другие же составляющие, часто не менее важные для человека, подразумеваются, но не всегда ясно им осознаются и точно обозначаются. Иногда и сама поставленная жизненная цель является лишь инструментом реализации других, более глубинных и сущностных для человека ценностей, которые он может до конца и не осознавать.

В качестве существенной особенности жизненных целей необходимо отметить также особый режим их функционирования в сознании человека. Они часто не сохраняются в виде длящегося состояния сознания, а переходят из плана актуального субъективного переживания в план метанапряжения [6, 30], невербализованных чувств. Многие авторы, часто совершенно по-разному обозначая их, говорят о них как о неосознаваемых или мало осознаваемых образованиях: предчувствие судьбы, зов самости, чувство пути. Наиболее точно передающим форму репрезентации целевых состояний в открытом контуре активности, охватывающем жизнь в целом нам представляется понятие *экзистенциальных ожиданий* [31], а не понятие цели как «образа потребного будущего». Экзистенциальные ожидания кумулируют в себе наиболее общие жизненные ориентиры (запечатленные идеалы, интериоризованные жизненные сценарии, побуждающие к реализации способности и другие), а также различные сочетания и синтезы подобных источников и, актуализируясь в соответствующих им периодах жизни или ситуациях, побуждают человека к своей реализации.

Следствием репрезентации человеку его жизненных ориентиров в форме ценностно-насыщенных, но не имеющих точного и конкретного образа *экзистенциальных ожиданий* становится специфика осуществления обратной связи на уровне жизни как целостности. Они не могут функционировать через сличение целевого образа и образа наличной ситуации, как в случае достижения более простых предметных целей. Обобщенность целевого состояния порождает связанные с этим трудности фиксации самого факта его достижения. Это ведет к появлению специфических механизмов, определяющих степень соответствия хода осуществляемой активности и достигаемых при этом промежуточных результатов жизненному замыслу, что необходимо для коррекции ее направления, выбора используемых в ней средств и способов.

В открытом контуре регуляции и организации жизни роль цели оказывается противоречивой. Цель абсолютно необходима и должна ставиться человеком с той или иной степенью осознанности и проработанности для инициации активности и выбора ее направления. Однако человеку гарантировано отклонение полученного результата от ожидавшегося изначально, поскольку в ходе жизнедеятельности с необходимостью возникают различные незапланированные трансформации и модификации как целевого состояния, так и условий его достижения. Тот целостный образ жизни, который человек представлял, ставя цель, столь же редко может быть полностью воплощен в реальности, сколь и «схвачен» в каком-либо вербальном обозначении. Поэтому даже при точном соответствии достигнутого результата сформулированной цели весь целостный образ жизни, сложившийся в итоге, содержит в себе и то, что не планировалось и не ожидалось, и вовсе не обязательно содержит все то, что предполагалось как

следствие достижения поставленной цели и, возможно, придавало ей основную значимость.

В этом контексте возникает проблема, связанная с определением диапазона конкретизации жизненных целей, в рамках которого она сохраняет еще свою сущность, остается самой собой. Решение этой проблемы требует определения меры разрыва между изначально подразумеваемым целевым состоянием и реально полученным в жизни результатом, при котором человек еще опознает в нем те ядерные ценностные характеристики целевого состояния, к достижению которых он стремился.

Проблема отклонения полученного результата от запланированного не нова. В технике существует понятие допуска как диапазона, в рамках которого результат оценивается как соответствующий исходным требованиям. Вопросы возникновения отклонений от цели, чувствительности человека к ним находятся в фокусе внимания теории мотивационного контроля Д. Хайленда (см. [32]). Однако в отношении жизненных целей эти вопросы исследованы пока очень мало, а прямой перенос данных с узких по масштабу регуляторных контуров на широкие не всегда оправдан, так как здесь начинают действовать другие закономерности, связанные с иным качеством и степенью сложности процессов.

Сложность осуществления обратной связи на уровне жизни в целом обусловлена масштабом данного контура – его многоплановостью, присутствием в нем разных сфер жизни, которые частично перекрывают друг друга и, в свою очередь, включают целые комплексы более частных контуров активности, каждый из которых обеспечивает достижение определенного целевого состояния с той или иной степенью отклонения от него. Большой масштаб пространства регуляции и организации прямо связан и с временной длительностью, растянутостью во времени протекающих в нем процессов. Поэтому возникает вопрос и о том, что запускает процессы подведения промежуточных итогов и фиксации результата, на какие критерии человек ориентируется, определяя момент, когда это уже необходимо начинать делать. Даже нормативные сценарии жизни, задающие представления о времени наступления важных событий жизни, не дают здесь точных ориентиров, тем более что в современном обществе они весьма разнообразны и довольно быстро изменяются. Несомненно, эти периоды соответствуют лиминальным периодам жизни и возрастным кризисам. Однако причины, механизмы и время их возникновения, несмотря на ряд появившихся в последнее время работ, остаются недостаточно раскрытыми. Особенно это касается нормативных возрастных кризисов, возникающих в процессе развития взрослого человека и составляющих внутреннюю логику развития личности, толчком к возникновению которых не послужили те или иные экстраординарные жизненные обстоятельства.

Большой масштаб и временная продолжительность процессов регуляции и организации на уровне жизни в целом требуют постоянной сложной интеграции процессов обратной связи (как отрицательной, так и положительной), осуществляемых на разных уровнях столь сложной многоуровневой системы. Осознанное осуществление такой интеграции в постоянном режиме вряд ли возможно, что ставит вопрос о существовании механизмов и той ткани, субстанции психического, которая способна осуществлять эту работу. Представляется, что



механизмом ее выполнения, обеспечивающим как перманентную интеграцию, так и начальное проникновение результатов в сознание, и является *непосредственное переживание* как особый, промежуточный между полной неосознанностью и ясным осознанием режим работы сознания [5].

В чувственной ткани переживания, благодаря ее целостности и динамичности, способны увязываться между собой разноуровневые процессы, которые проникают друг в друга, суммируются, взаимодействуют и оказывают взаимовлияние. На слияние переживаний в общее чувство, соответствующее целостной ситуации, которое существует в механизмах, обеспечивающих учет обстоятельств, указывал В.К. Вилюнас [6]. Аналогичным образом С.Л. Рубинштейн рассуждал об обобщенных жизненных чувствах [19]. Поскольку в переживании может быть одновременно представлена работа множества разноуровневых механизмов регуляции, оно способно интегрировать в себе частные оценки результативности активности человека на разных уровнях регуляции жизнедеятельности и выводить в сознание кумулятивный общий итог, представляя целостную, обобщенную оценку соответствия жизни ее основным смысловым ориентирам, масштабным планам, производным от ведущих личностных ценностей. На неосознаваемом уровне эта работа в *фоновом режиме* происходит постоянно, к ее внешним проявлениям можно отнести уже упоминавшиеся выше феномены удовлетворенности жизнью [20, 21], субъективного благополучия [22], настроения [23] и т. д.

Когда в результате накопления неосознаваемых оценок или вследствие кризисной ситуации преодолевается пороговая величина неудовлетворенности жизнью и возникает необходимость осознанной работы по изменению смысловых структур сознания, инициируется другой режим работы переживания, означающий его переход в *явную* форму. В этом случае переживание становится отдельной деятельностью, возникающей в критических ситуациях невозможности, которые не решаются посредством предметно-практической или познавательной деятельности [4]. Оно совершает работу по производству смысла и преобразованию жизненного мира личности с целью установления смыслового соответствия между бытием и сознанием. Два полярных режима работы переживания – явный и фоновый – составляют континуум, в котором существуют переходные формы, различающиеся по степени своей развернутости и осознанности.

Таким образом, переживание как составляющая сознания, отражающая соответствие смысловых структур личности ее жизненным отношениям, присутствует постоянно практически на всех уровнях активности человека, составляя неразрывно соединенную с личностным смыслом чувственную основу других содержаний сознания. При этом в своем поверхностном проявлении оно обладает свойством непосредственной данности человеку и в то же время напрямую связано с глубинным, ядерным содержанием личности, что и позволяет ему выполнять функцию сопоставления и интеграции результатов, получаемых человеком в процессах организации и регуляции на различных уровнях осуществления жизнедеятельности.

### Summary

*N.R. Salikhova. A Contextual-Level Approach to Emotional Experience.*

We propose a contextual-level approach to the phenomenon of emotional experience, which is based on the representation of the function of emotional experience as a mechanism of a feedback in differently scaled open regulatory contours of a person's activity. This approach makes it possible to systemize various interpretations of the term "emotional experience" existing in modern psychology.

**Key words:** emotional experience, contextual-level approach, life purpose, feedback, regulation of life activity.

### Литература

1. *Выготский Л.С.* Вопросы детской (возрастной) психологии // Собр. соч.: в 6 т. – М.: Педагогика, 1984. – Т. 4. – С. 243–385.
2. *Божович Л.И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. – СПб.: Питер, 2008. – 400 с.
3. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии: в 2 т. – М.: Педагогика, 1989. – Т. 2. – 328 с.
4. *Василюк Ф.Е.* Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций. – М.: Моск. гос. ун-т, 1984. – 200 с.
5. *Василюк Ф.Е.* Понимающая психотерапия как психотехническая система: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 2007. – 47 с.
6. *Вилюнас В.К.* Психологические механизмы мотивации человека. – М.: Моск. гос. ун-т, 1990. – 288 с.
7. *Еременко В.И., Нуркова В.В.* Мнемические переживания как основа сознательной регуляции в процессе обращения к памяти // Психология сознания: современное состояние и перспективы. Материалы I Всерос. конф. – Самара: Науч.-техн. центр, 2007. – С. 295–297.
8. *Петухов В.В.* Образ мира и психологическое изучение мышления // Вестн. МГУ. Сер. 14. Психология. – 1984. – № 4. – С. 13–21.
9. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, структура и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 1999. – 487 с.
10. *Серый А.В.* Система личностных смыслов: структура, функции, динамика. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – 272 с.
11. *Шаров А.С.* Система ценностных ориентаций как психологический механизм регуляции жизнедеятельности человека: Дис. ... д-ра психол. наук. – Новосибирск, 2000. – 364 с.
12. *Либин А.В.* Единая концепция стиля человека: метафора или реальность? // Стиль человека: психологический анализ / Под ред. А.В. Либина. – М.: Смысл, 1998. – С. 109–124.
13. *Шкуратова И.П.* Исследование стиля в психологии: оппозиция или консолидация // Стиль человека: психологический анализ / Под ред. А.В. Либина. – М.: Смысл, 1998. – С. 13–33.
14. *Салихова Н.Р.* Контекстуально-уровневая модель жизненного пространства личности // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2010. – Т. 152, кн. 5. – С. 183–199.
15. *Бернштейн Н.А.* Очерки по физиологии движений и физиологии активности. – М.: Медицина, 1966. – 349 с.

16. *Фахрутдинова Л.Р.* Теория переживания. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. – 413 с.
17. *Васильев И.А., Поплужный В.Л., Тихомиров О.К.* Эмоции и мышление. – М.: Моск. гос. ун-т, 1980. – 192 с.
18. *Левин К.* Динамическая психология: Избр. тр. – М.: Смысл, 2001. – 572 с.
19. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. – М.: Наука, 1997. – 191 с.
20. *Аргайл М.* Психология счастья. – СПб.: Питер, 2004. – 271 с.
21. *Куликов Л.В.* Детерминанты удовлетворенности жизнью // Общество и политика. – СПб., 2000. – С. 476–510.
22. *Шамионов Р.М.* Психология субъективного благополучия личности. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2004. – 300 с.
23. *Куликов Л.В.* Чувства как детерминанты психических состояний // Психология психических состояний: теория и практика: Материалы 1-й Всерос. науч.-практ. конф. – Казань: Нов. знание, 2008. – Ч. 1. – С. 524–528.
24. *Прохоров А.О.* Психология неравновесных состояний. – М.: Ин-т психологии РАН, 1998. – 152 с.
25. *Херсонский Б.Г.* Чувство смысла // Вне огады. – М.: Наука, 2008. – С. 351–369.
26. *Сеченов И.М.* Рефлексы головного мозга (Попытка ввести физиологические основы в психические процессы). – М.: АН СССР, 1961. – 216 с.
27. *Клочко В.Е.* Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). – Томск: Том. гос. ун-т, 2005. – 174 с.
28. *Шаров А.С.* Жизненный кризис в развитии личности. – Омск: ОмГТУ, 2005. – 166 с.
29. *Братусь Б.С.* К проблеме человека в психологии // Вопр. психологии. – 1997. – № 5. – С. 3–19.
30. *Анциферова Л.И.* Личность с позиций динамического подхода // Психология личности в социалистическом обществе. Личность и ее жизненный путь / Отв. ред. Б.Ф. Ломов, К.А. Абульханова-Славская. – М.: Наука, 1990. – С. 7–17.
31. *Сапогова Е.Е.* Экзистенциальные ожидания как фактор развития во взрослости и старости // Психология социального развития: Человек в современном мире / Под науч. ред. Ю.Н. Карандашева, В.Н. Шашок. – Минск: БГУ, 2007. – С. 99–111.
32. *Дружинин В.Н.* Психология. – СПб.: Питер, 2001. – 656 с.

Поступила в редакцию  
25.02.11

---

**Салихова Наиля Рустамовна** – доктор психологических наук, доцент кафедры общей психологии Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: [Nailya.Salihova@ksu.ru](mailto:Nailya.Salihova@ksu.ru)